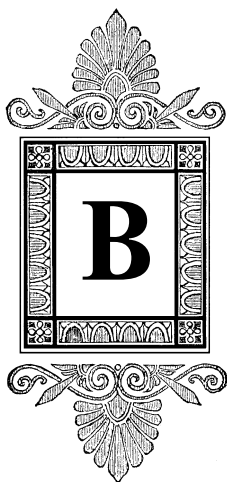

ПРЕДЫСТОРИЯ «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА»

скоре после окончания университета я, не помню по каким побуждениям, занялся некоторыми вопросами истории военного искусства. Весной 1874 г. мне пришлось проходить учебный сбор в Виттенберге; в полковой библиотеке я достал «Историю пехоты» Рюстова и с тех пор уже не переставал заниматься этим вопросом.

В 1877 г. по поручению графини Гедвиги Брюль мне предложили закончить биографию деда графини — Гнейзенау, оставленную в недописанном виде покойным Георгом Генрихом Перц. Когда я погрузился в историю освободительных войн, я почувствовал острую потребность составить себе действительно правильное представление о событиях, и моя научная работа в этом направлении приобрела тем более широкий размах, что в то время приходилось исторически оценивать достоинства двух противоположных стратегических концепций — одной, представленной эрцгерцогом Карлом, Шварценбергом и Веллингтоном, и другой, представленной Наполеоном и Гнейзенау.

Гете говорил однажды об импульсе, который можно получить от одного умного слова; в другой раз он сказал, что учиться лучше всего не по книгам, а благодаря живому обмену мыслей, благодаря сношениям с умными людьми. В то время я на себе испытал справедливость этих слов.

В те годы я был воспитателем младшего сына императора Вильгельма, принца Вольдемара, скончавшегося в 1879 г. На этом посту я не только имел случай из рассказов тогдашнего кронпринца и фельдмаршала графа Блюментала составить себе до известной степени непосредственное представление о том, как психологически возникают решения командующего армией, но также мог во всякое время облегчать и пополнять вопросами мою научную работу, начатую с изучения Клаузевица, сочинения которого подарил мне кронпринц. Я до сих пор помню случаи, когда я, так сказать, застревал на каком-нибудь вопросе, а живое объяснение или меткое слово позволяли мне уразуметь его; я и теперь, спустя почти 25 лет, не могу не вспомнить с благодарностью о тех лицах, которые не оставляли меня своими советами. Назову в числе их генерала фон Готберга, умершего в должности командира 1-го корпуса; генерала фон Винтерфельда, командовавшего гвардейским корпусом; генерала фон Мишке; полковника фон Дрески, бывшего командира полка императора Александра; ныне покойного генерала фон Унру, а прежде всего — фон Гейслера, умершего в чине генерал-лейтенанта, но в то время бывшего подполковником (он исполнял должность военного воспитателя при принце Фридрихе Леопольде). Фон Гейслер был по природе педагогом, — и в то время как наши молодые питомцы играли под нашим наблюдением на спортивной площадке нового дворца или на горе Бетхер близ Глейнике, он с удовольствием отвечал на мои пытливые вопросы целыми лекциями по военному делу, которые, отличаясь удивительной ясностью, принесли мне огромную пользу. Мне

хотелось бы упомянуть по этому же поводу еще о двух высокопоставленных военных — генерале фон Францеком, который в 1870 г. командовал 2-м корпусом, затем 11-м, а под конец был берлинским военным губернатором, и о тогдашнем майоре Генерального штаба Бойе, умершем военным губернатором Торна. Первый, будучи молодым офицером Генерального штаба, начал однажды писать биографию Гнейзенау; это и было причиной нашего знакомства; я часто бывал у него и беседовал с ним на эту тему; по истории кампании 1814 г. он предоставил в мое распоряжение свои записки, которые он составил на основании документов для лекции в Военной академии, и мы обсуждали с ним некоторые вопросы, связанные с этой кампанией.

Когда я, закончив биографию Гнейзенау, в январе 1881 г. был приглашен в Берлинский университет, моя первая лекция была посвящена войне 1866 г. Затем (летом 1881 г.) я читал «Историю военной организации и военного искусства времен возникновения феодализма». Вводить в цикл моих лекций древние века я еще не решался, так как недостаточно проработал эту эпоху по источникам; хотя я уже тогда чувствовал, что господствующее представление о римской тактике (ромбовидное построение — «Quincunx-Stellung») не может быть правильным, однако еще не мог предложить вместо него что-нибудь другое. Только спустя два года, летом 1883 г., я решил объявить цикл лекций «Общая история военной организации и военного искусства от Персидских войн до нашего времени». Этот цикл я прочел несколько раз. Кроме того, я читал лекции «О войне 1870 года», «Избранные главы из стратегии и тактики для историков», «Главные сражения Фридриха и Наполеона» и, наконец (зимой 1897/98 г.), «О связи между экономическим процветанием народов и их военной организацией и военными подвигами». Я напечатал историческое исследование по Персидским войнам, стратегии Перикла, о Фукидиде и Клеоне, о римской манипулярной тактике, о древнегерманском государстве и округе (Gau), о Первом Крестовом походе, о сражениях швейцарцев и бургундцев, об основах стратегии Фридриха и Наполеона; по моему совету ряд молодых ученых написал работы по самым различным периодам военной истории от Ганнибала до Наполеона.

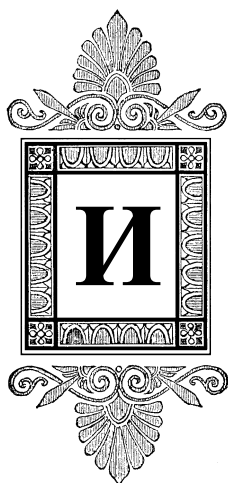
Из этих лекций и специальных работ и создался данный труд...

Ганс Дельбрюк

Бой у кораблей. По рисунку на древнегреческой вазе

ИСХОДНЫЙ МОМЕНТ

История военного искусства есть одна из нитей в ткани всеобщей истории и начинается вместе с последней. Но изучению она лучше всего поддается не с момента появления из доисторического полумрака первых мало-мальски ясных очертаний; лучше всего начать исследование с момента появления исторических источников, дающих полное и ясное представление о событиях.

Такой момент наступает для нас впервые лишь с эпохой Персидских войн. Зато начиная с этого момента мы можем с помощью непрерывного ряда свидетельств проследить эволюцию вплоть до наших дней, причем каждый последующий период способствует освещению всех предыдущих.

Конечно, и для времени до Персидских войн нет недостатка в очень красноречивых источниках. В частности, для греков особенно богатый материал дает Гомер, для восточных же народов, равно как и для египтян, мы имеем исторические источники, которые на много веков и даже тысячелетий старше Гомера. Но все же эти свидетельства слишком скудны и не дают нам непосредственно полной и достоверной картины.

Только опытный глаз историка, изощренный в исследовании явлений военного дела на основе объективной критики, сумеет по отдельным указаниям воссоздать цельную картину. Но в данном случае полнота опыта дается только самим изучением военной истории, т. е. более поздних ее периодов. Для первых шагов мы должны искать более твердой почвы, какую доставляют нам лишь показания современников. На их основе и с их помощью может выработаться объективный критический подход, необходимый для создания ясных представлений.

Эти полученные таким путем представления впоследствии, может быть, прольют некоторый свет на предыдущие времена и рассеют окружающий их полумрак.

Традиция Персидских войн, в сущности, тоже далеко еще не достоверна, переплетается с легендой, записана не подлинным современником, а лишь с изустных рассказов следующего поколения, так что Нибур оставил надежду извлечь из нее указания о подлинном ходе событий, — и если, несмотря на его предостережение, историки снова и снова преподносят нам под видом исторических фактов все подробности Геродотового рассказа, то это лишь напрасное самообольщение.

Но как бы скептически ни относиться к красочным рассказам отца историографии, они все же содержат в себе зерно истины, достаточное для задач истории военного искусства. Мы узнаем о тактических методах обоих войск, можем определить местность, где происходило то или иное сражение, и можем уяснить себе стратегическую обстановку. Таким образом, нам даны основные черты военного события, и эти основные черты дают, в свою очередь, вполне надежный критерий для суждения о легендарных подробностях предания.

Ни об одном из более ранних военных событий мы не имеем столь ясного представления. Поэтому Персидские войны и являются естественной исходной точкой для истории военного искусства.

Основой для научного ознакомления с постановкой военного дела в Греции служит и по сей день «Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos». Nach den Quellen bearbeitet von W. Rüstow, ehemaligem preussischen Genieoffizier, und Dr. H. Köchly, ord. Professor der griechischen und römischen Literatur und Sprache an der Universität Zürich. Mil 134 in den Text eingedruckten Holzschnitten und 6 lithographierten Tafeln («История военного искусства с древнейших времен до Пирра», обработанная по источникам В. Рюстовом, бывшим прусским офицером инженерных войск, и д-ром Г. Кёхли, орд. профессором греческой и римской литератур и языков в Цюрихском университете. Со 134 гравюрами в тексте и 6 литографированными таблицами. Aarau Verlags-Comptoir, 1852). Наряду с этим «Griechische Kriegsschriftsteller», греческий и немецкий тексты с критическими и пояснительными примечаниями Г. Кёхли и В. Рюстова. Лейпциг, 1853—1855 гг.

Более новые труды:

«Heerwesen und Kriegführung der Griechen» («Военное дело и ведение войны греками») д-ра Г. Дройзена (von Dr. H. Droysen), с одной таблицей и семью иллюстрациями в тексте (включено в книгу К. F. Hermann «Die griechischen Antiquitäten»), Фрейбург, 1888—1889 гг. (ср. мой отзыв в «Lit. Centr.-Blatt», 1888, №16).

«Die griechischen Kriegsaltertümer» («Греческие военные древности») д-ра Адольфа Бауэра, профессора древней истории при Грацком университете (в «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft»), изд. С. Н. Beck'a в Нордлингене (ныне в Мюнхене), 1886 г., 2-е изд. 1892 г. Превосходное произведение, группирующее в ясном обзоре показания исторических источников. Весьма полно и внимательно у Бауэра освещена библиография, на которую здесь раз навсегда делается ссылка.

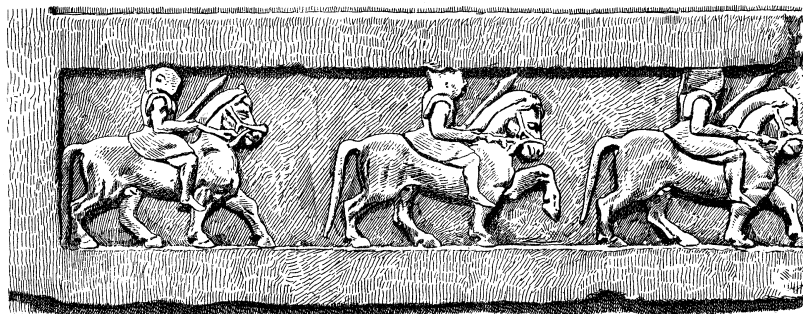
«Das Kriegswesen der Alten mit besonderer Berücksichtigung der Strategie» («Военное дело древних, особенно с точки зрения стратегии») д-ра философии Гуго Лирса (Hugo Liers), старшего преподавателя гимназии в Вальденбурге. Бреславль, 1895 г. Книга написана интересно и с большой эрудицией. Лирс много и самостоятельно читал древних авторов. Эта книга обратила мое внимание на многие значительные факты. Но в целом книга, к сожалению, неудачна; местами отдельные факты подобраны в стройную систему, но далеко не достаточно проконтролирована их достоверность; недостаточно четко проводится грань между отдельными периодами эволюции.

В «Hist. Zeitschr», Bd. 98 (1907), Бен. Низе (Niese) напечатал статью «Ueber Wehrverfassung, Dienstpflicht und Heerwesen Griechenlands» («О способах обороны, воинской повинности и организации военного дела в Греции»), не содержащую, однако, ничего нового.

Я лично посвятил проблеме Персидских войн монографию «Die Perserkriege und die Burgunderkriege» («Персидские и Бургундские войны»), два параллельных исследования двух военно-исторических проблем с приложением очерка римской манипулярной тактики. Берлин, изд. «Вальтер и Аполант» (ныне «Вальтер»), 1887 г.

Из всех трудов по греческой истории наиболее значительными для нас являются труды Бузольта (Busolt) (2-е изд.), Белоха (Beloch) и Дункера (Dunker); в некоторых моментах еще сохраняет свое значение труд Грота (Grote).

Руководством для всех томов данного труда вплоть до новейших времен служит гениально составленная, несмотря на некоторое количество ошибок и небрежность изложения, «Geschichte der Infanterie» von W. Rüstow. Zwei Bände, Gotha, 1857 und 1858 (und spätere Neudrucke) («История пехоты» В. Рюстова в двух томах, Гота, 1857 и 1858 гг., и позднейшие переиздания), а также особенно ценный для дальнейших томов труд Макса Иенса (Max Jähns) «Geschichte der Kriegswissenschaften vornehmlich in Deutschland», изданный в 1889—1891 гг. Исторической комиссией при Баварской Академии наук.

Лидийские конные воины. Барельеф VI в. до н. э.

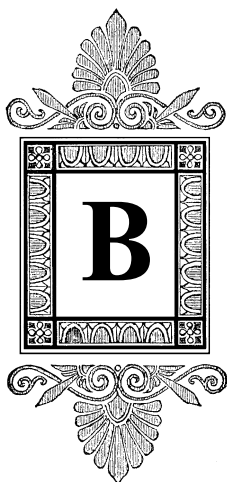
Часть первая

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

ГЛАВА I

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Военно-историческое исследование — в тех случаях, когда это позволяют источники, — лучше всего начать с подсчета численности войск. Числа играют решающую роль не только для выяснения соотношения сил (хотя и это очень важно, ибо побеждает всегда большая масса, если разница в численности не выравняется храбростью и лучшим командованием у более слабого численно противника), но и безотносительно, сами по себе. Передвижения, легко совершаемые отрядом в 1000 чел., являются уже весьма затруднительными для 10 000 чел., чудом искусства для 50 000 и невозможными для 100 000.

По мере увеличения численности войск задача снабжения армии занимает все более видное место в стратегии. Поэтому без определенного представления о величине войска невозможен критический анализ исторического предания или самого события.

Поскольку именно в этой области еще господствуют во многих отношениях ошибочные представления, а дошедшие до нас по преданиям цифры воспроизводятся вне сознания всей важности выводов, которые отсюда могут быть сделаны, нам кажется необходимым, так сказать, заострить критический взгляд, показав здесь же на нескольких примерах, в какой мере могут быть неправильны цифры и как легко они укореняются в исторических преданиях.

В более старых немецких трудах об освободительных войнах, — у Плото, который состоял флигель-адъютантом при Фридрихе Вильгельме III и лично в главной квартире собирал свои сведения, в биографии Радецкого, принадлежащей перу одного австрийского ветерана, а также в ранних изданиях распространенного и почтенного труда Бейцке «Германские освободительные войны», — число французских войск к началу осеннего похода 1813 г. определяется в 300 000 или максимально в 353 000 чел. Союзники располагали в то время армией свыше 492 000 чел. и, следовательно, должны были обладать подавляющим численным перевесом. В действительности же армия Наполеона насчитывала 440 000 чел., не считая крепостных гарнизонов на театре войны, т. е. численно почти равнялась армии союзников.

Е. М. Арндт определил общее количество потерь во всех наполеоновских войнах, включая 1814 г., в 10 080 000 чел., а более тщательное исследование дает значительно меньше — 2 000 000, из коих приблизительно четверть приходится на долю французов, точная же статистика, несомненно, привела бы нас к еще более скромным цифрам.

В новейших научных работах по освободительным войнам мы находим, что в сражении при Гательсберге прусские ополченцы пробили прикладами головы 4000 французов. В действительности же их было около 30.

В вышедшей в 1897 г. книге полковника австрийского генерального штаба Берндта «Die Zahl im Kriege» силы французов, участвовавших в сражении под Орлеаном (3 и 4 декабря 1870 г.), определяются в 60 700 чел. Другие же исследователи исчисляли их в 174 500 и выше.

В этой же книге приводятся следующие данные о сражении при Асперне: 75 000 австрийцев сражались против 90 000 французов, причем последние потеряли 44 380 чел. В действительности же в первый день около 105 000 австрийцев сражались против 35 000 французов, а на второй день те же австрийцы (за вычетом потерь) сражались против 70 000 французов, причем последние потеряли примерно от 16 000 до 20 000 чел.

Численность армии Карла Смелого при Грансоне определяется швейцарскими современниками в 100 000—120 000 чел., а при Муртене он будто бы выставил в три раза более многочисленны силы. В действительности же у него в первом сражении было около 14 000 человек, а во втором несколькими тысячами больше. Швейцарцы, сражавшиеся будто бы против несоизмеримо более сильной армии, на самом деле имели в обоих боях значительный численный перевес. Уже при Грансоне они убили якобы до 7000 бургундцев; на самом же деле было убито всего 7 рыцарей и несколько рядовых бойцов.

Гуситские войска, которые наводили страх на всю Германию и описываются как несметные полчища, насчитывали около 5000 чел.

Здесь мы имеем дело не только с обычным пристрастием к гиперболе, отсутствием «чувства числа», хвастовством, страхом, стремлением оправдаться и тому подобными человеческими слабостями, со-

здающими чудовищные преувеличения; необходимо также принять во внимание, как трудно даже для привычного глаза правильно определить численность более крупных масс, хотя бы и собственных, которые вполне свободно можно окидывать взглядом. По отношению же к войскам противника эта задача становится почти неразрешимой. Прекрасную иллюстрацию этому дают недавно опубликованные записки Фридриха Вильгельма III о поражении, понесенном его войсками под его личным командованием при Ауэрштедте. Король говорит, что во время боя уже не оставалось места для сомнений в значительном численном перевесе противника: французы, будто бы имея более многочисленную пехоту, могли постоянно сменять сражавшиеся батальоны. Так как силы пруссаков состояли из 50 000 чел., то силы французов должны были оцениваться безусловно в 70 000—80 000 чел., в действительности их было 27 000, и то, что Фридрих Вильгельм фактически только заблуждался, а не хотел оправдать поражение, вытекает из одной приписки, которую король добавил вскоре же после этого и в которой он говорит: «Из французских бюллетеней и из других сведений я убедился, что — к стыду нашему будет сказано — силы неприятеля, действовавшие против нас, не превышали 30 000 чел.»

Следует заметить, что не всегда дело сводится к одним переоценкам и преувеличениям; встречается и обратное, почему я преднамеренно включил выше в свое изложение несколько примеров этого.

Войско, которое Ксеркс вел в Грецию, исчисляется Геродотом совершенно точно в 4 200 000 чел., включая обозы. Армейский корпус, состоящий из 30 000 чел., растягивается, по германскому уставу походного движения, приблизительно на 3 мили (около 21 км без повозочного парка). Следовательно, походная колонна персов должна была бы быть длиной

Афинские гоплиты, снаряжающиеся в поход.
Изображение на аттической вазе. V в. до н. э.

в 420 миль (около 3 000 км), и, когда передние подошли к Фермопилам, последние могли бы как раз только еще выступить из Сузы по ту сторону Тигра. Германский армейский корпус возит с собой артиллерию и повозки с боеприпасами, которые занимают много места; с этой точки зрения античное войско могло поместиться на меньшем пространстве. С другой стороны, совершенно очевидно, что персидское войско обладало лишь очень слабой дисциплиной марша, которая вообще может быть достигнута только при очень дробном расчленении армейского организма, при непрерывном внимании и напряжении. При отсутствии дисциплины марша колонны очень скоро растягиваются вдвое и втрое против установленной для них глубины. Поэтому персидские войска, хотя и не имевшие артиллерии, можно сопоставлять с современными войсками в отношении протяжения походных колонн.

После ухода Ксеркса из Греции с большим войском Мардоний остался якобы с 300 000 чел.; но и это число отнюдь не может претендовать на правдоподобие.

По Геродоту, Мардоний, разгромив вторично Афины, прошел из Аттики через Декелею обратно к Танагре и на следующий день отправился дальше. Так не может следовать походным порядком войско в 300 000 чел. Даже если часть персидского войска оставалась в Беотии и если были использованы не только декелейский, но и все другие горные проходы, то и тогда численность войска не могла превышать 75 000 чел. (включая греческих союзников).

Но весь этот метод постепенного уменьшения числовых данных имеет лишь подготовительное значение и сам по себе еще не приводит к цели. Мы должны уяснить себе и установить как общее правило, что придавать какое бы то ни было значение числам, подобным геродотовым, значит обманывать самих себя. Если бы и удалось каким-либо образом извлечь из его цифр какие-либо показательные данные, то мы от этого ничего не выиграли бы. Настоящий, единственно надежный исторический метод заключается не в том, чтобы за неимением достоверных сведений довольствоваться недостоверными и обращаться с ними как с полноценным материалом, а в том, чтобы резко и определенно отличать, где можно доверять преданию, а где — нет. Может быть, мы где-нибудь найдем точку опоры для выяснения хотя бы приблизительной численности персидских войск; но прежде всего необходимо твердо установить недостоверность цифровых данных, полученных нами от греков: они ни в какой мере не заслуживают большего доверия, чем показания швейцарцев о войсках Карла Смелого, и не дают нам даже возможности определить, был ли численный перевес на стороне греков или персов.

Что касается греческого войска, то здесь мы стоим на более твердой почве. В описании сражения при Платеях Геродот дает точно разработанный список по контингентам: 8000 афинян, 5000 спартиатов,

Гоплит со своим рабом в походе.
Терракотовая статуэтка. IV в. до н. э.

5000 периеков и т. д. — всего 38 700 гоплитов. Грекам, несомненно, была известна численность их войск; поэтому указанным цифрам, казалось бы, можно доверять, и, действительно, большинство исследователей попросту принимало их на веру. Однако это — крупный методологический промах. У нас нет никакой гарантии, что кто-либо из лиц, доставлявших сведения Геродоту, не составлял списков по совершенно произвольным данным. Во всяком случае, в одном пункте отношении автора к числовым данным выявляется в весьма неблагоприятном свете. Каждого греческого гоплита обычно сопровождал слуга; поэтому для подсчета полной численности войск Геродот удваивает первоначальное число. Но каждый спартиат, как говорит он, имел при себе 7 илотов; следовательно, надо прибавить еще 35 000 чел. 35 000 небойцов на 5000 бойцов — это, конечно, нелепость, если принять во внимание снабжение войск и маневрирование. По-видимому, эта нелепость возникла благодаря представлению греков о спартиате как о знатном человеке, отправлявшемся в поход с большим количеством слуг: 7 слуг казалось вполне подходящим числом, — и вот предполагаемое число спартиатов было безоговорочно помножено на семь. Подобное же явление наблюдается и у современных историков. В «Истории Прусского государства» Филиппсона (т. 2, с. 176) мы читаем, что прусское войско при Фридрихе Великом (1776) шло в поход в сопровождении 32 705 — точно сосчитано! — прачек. Автор указывает даже свой источник — «Достоверные данные из истории правления короля Фридриха II Прусского» Бюшинга, — источник, содержащий большей частью вполне достоверный материал. Ввиду того что армию Фридриха действи-

тельно сопровождало известное число маркитанток и солдатских жен, 32 705 прачек на двухсоттысячное войско является, конечно, более правдоподобным числом, чем 35 000 иловов на 5000 спартиатов, тем более что современный историк, пользующийся научно разработанными методами, заслуживает большего доверия, чем наивный Геродот. Но в конце концов нам придется отбросить оба показания, как первое, так и второе. Краткое ознакомление с общим характером короля Фридриха и его армии убеждает нас в ложности сообщенного факта: никакие прачки не могли сопровождать армию в походе, и, следовательно, Бюшинг стал жертвой недоразумения и пришел к этому числу, считая по одной прачке на каждую солдатскую палатку; а Филиппсон без всякой критической проверки попросту переписал это любопыт-

ное сообщение. Аналогичным же образом, по-видимому, появились и у Геродота его 35 000 чел. В общем вычисления Геродота приводят к определению сил греческих войск примерно в 110 000 чел. Историки, переписывая эту цифру, не составили себе достаточно ясного представления о всех трудностях снабжения продовольствием 110 000 чел. на одном и том же месте в течение продолжительного времени. Нам придется еще много говорить об этом впоследствии, когда мы будем располагать точными, вполне достоверными числами. Дошедшее до нас, по преданию, число попросту неправдоподобно. Мы должны решительно признать, что не располагаем никакими данными о численности греческого войска при Платеях, на которых можно было бы строить какие-либо выводы¹.

ГЛАВА II

ГРЕЧЕСКИЕ ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА

Основная масса греческого войска в период Персидских войн состояла из снабженной панцирем пехоты, вооруженной копьями длиной примерно в 2 м⁽²⁾, словом, из гоплитов. Предохранительное вооружение гоплита состояло из шлема, панциря³, поножей и щита; короткий меч служил вспомогательным оружием.

Гоплиты составляют тесно сомкнутое тактическое построение — фалангу; фалангой называется непрерывное линейное построение во много шеренг⁴.

Глубина фаланги меняется; очень часто нам приходится слышать о глубине в 8 чел., являющейся, по-видимому, своего рода нормой построения; но приходится слышать также о глубине в 12 и даже в 25 чел.⁵

Непосредственно в бою в подобной фаланге могут принимать участие максимально две шеренги, причем вторая шеренга в момент столкновения заполняет прорывы, образовавшиеся в первой шеренге. Дальнейшие шеренги служат для немедленной замены убитых и раненых, но главное их назначение — оказывать физическое и моральное давление на передовых бойцов. Более глубокая фаланга победит более мелкую, хотя бы даже непосредственно в рукопашной схватке принимало участие одинаковое число воинов.

Если бы не преимущества этого давления, то было бы много выгоднее удлинить боевой порядок так, чтобы сделать свой фронт длиннее неприятельского и в момент столкновения совершить охват с обоих флангов. Но при равных силах такой охват возможен лишь за счет глубины построения, и, хотя от момента столкновения фронтов до полного окружения должно пройти лишь несколько минут, этого времени, по всей вероятности, окажется достаточно для того, чтобы более глубокая неприятельская фаланга противника опрокинула мелкий центр своего противника и этим разрушила все его построение.

Следовательно, тут основанием служат два диаметрально противоположных принципа: глубина, придающая мощь удару, и длина, облегчающая возможность охвата. Дело военачальника — определить длину и глубину фаланги в зависимости от обстоятельств, относительной численности, качества обоих войск и условий местности. Очень большое войско усиливается больше в глубину, чем в длину, так как очень длинную шеренгу чрезвычайно трудно передвигать в каком бы то ни было порядке и хоть сколько-нибудь организованно; в глубокой же колонне, наоборот, порядок нарушается не так легко.

Ввиду того что задние шеренги фаланги почти никогда не доходят до применения оружия, могло бы показаться излишним снабжать полным вооружением бойцов примерно дальше четвертой шеренги. Однако относительно греков не дошло никаких сведений о том, чтобы такое различие проводилось в жизнь. Человек без панциря не может сражаться с человеком в панцире. Следовательно, установка нескольких шеренг бойцов без панцирей за бойцами в панцирях являлась бы лишь своего рода маскировкой. Сознание же у воинов в передних шеренгах, что сзади стоящие не могут оказать им действительной поддержки, несомненно, в сильной мере ослабило бы давление задних шеренг на передние, тогда как в этом давлении, в подталкивании вперед, и заключается вся ценность задних шеренг. А если бы действительно на каком-либо участке, вследствие случайного прорыва фаланги, вооруженный неприятель добрался до невооруженных задних шеренг, то последние были бы немедленно отброшены, и бегство одних легко повлекло бы за собой бегство всего остального войска.

Поэтому меньше всего следовало бы ставить в задние шеренги фаланги не совсем надежных людей, рабов. Они не приносили бы там никакой пользы, но легко могли бы преждевременным или даже

СОДЕРЖАНИЕ

Предыстория «Всеобщей истории военного искусства»	5
---	---

Раздел I. АНТИЧНЫЙ МИР

Исходный момент	9
-----------------------	---

Часть первая. ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Глава I. Численность войск. Предварительные замечания	11
Глава II. Греческие вооружение и тактика	14
Глава III. Численность греческих войск. Итоги	20
Глава IV. Персидское войско	23
Глава V. Сражение при Марафоне	25
Глава VI. Фермопилы	33
Глава VII. Сражение у Артемисия	36
Глава VIII. Сражение при Саламине	38
Глава IX. Сражение при Платеях	43

Часть вторая. ГРЕЦИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА

Глава I. Греческая тактика до Пелопонесской войны	49
Глава II. Стратегия. Перикл	53
Глава III. Наемники	55
Глава IV. Усовершенствование существовавшей тактической системы в IV столетии до н. э.	56
Глава V. Теория. Ксенофонт	60
Глава VI. Эпаминонд	62

Часть третья. МАКЕДОНЯНЕ

Глава I. Македонское войско	66
Глава II. Александр и Персия. Бой на Гранике	70
Глава III. Сражение при Иссе	73
Глава IV. Сражение при Гавгамелах	82
Глава V. Сражение при Гидаспе	87
Глава VI. Александр как полководец	91
Глава VII. Диадочи	93

Часть четвертая. ДРЕВНИЙ РИМ

Глава I. Сословие всадников и фаланга	100
Глава II. Манипулярная фаланга	120
Глава III. Римское военное обучение, лагерное искусство и дисциплина	126
Глава IV. Пирр	121
Глава V. Первая Пуническая война	123

Часть пятая. ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Введение	128
Глава I. Сражение при Каннах	130
Глава II. Основная стратегическая проблема Второй Пунической войны	138
Глава III. Взгляд на стратегическую подготовку войны	147
Глава IV. Рим получает перевес	150
Глава V. Сражение при Заме (Нараггаре) и эшелонная тактика	152
Глава VI. Ганнибал и Сципион	157

Часть шестая. РИМЛЯНЕ — ЗАВОЕВАТЕЛИ МИРА

Глава I. Римляне и македоняне	162
Глава II. Профессиональная армия и когортная тактика	168
Глава III. Центурионы	174
Глава IV. Митридат	177
Глава V. Римляне и парфяне	179

Часть седьмая. ЦЕЗАРЬ

Введение	184
Глава I. Поход против гелльветов	186
Глава II. Ариовист	194
Глава III. Покорение бельгов	198
Глава IV. Верцингеториг	202
Глава V. Римское военное искусство в борьбе с варварами	207
Глава VI. Гражданская война в Италии и Испании	210
Глава VII. Поход в Грецию	214
Глава VIII. Сражение при Фарсале	217
Глава IX. Последние походы гражданской войны	221
Глава X. Слоны	223
Заключение	225

Раздел II. ГЕРМАНЦЫ

Часть первая. БОРЬБА РИМЛЯН С ГЕРМАНЦАМИ

Глава I. Древнейший общественный строй германцев	231
Глава II. Военное искусство древних германцев	236
Глава III. Покорение Германии римлянами	245
Глава IV. Сражение в Тевтобургском лесу	248
Глава V. Германик и Арминий	261
Глава VI. Кульминационная точка и окончание войны	267
Глава VII. Римляне и германцы в состоянии равновесия	279
Глава VIII. Внутренняя жизнь римской императорской армии	286
Глава IX. Теория	295
Глава X. Упадок и разложение римского военного искусства	297

Часть вторая. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Глава I. Римская империя с германскими солдатами	313
Глава II. Сражение при Страсбурге (357 г.)	320
Глава III. Сражение при Адрианополе 9 августа 378 г.	323
Глава IV. Цифры	330
Глава V. Народные армии и их миграции	340
Глава VI. Расселение германцев в Римской империи	347

Часть третья. ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН И ГОТЫ

Глава I. Военное дело при Юстиниане	355
Глава II. Сражение при Тагине (552 г.)	361
Глава III. Сражение при Везувии (553 г.)	366
Глава IV. Сражение при Касилине (554 г.)	369
Глава V. Стратегия	371

Часть четвертая. ПЕРЕХОД К СРЕДНИМ ВЕКАМ

Глава I. Организация военного дела в романо-германских государствах	377
Глава II. Эволюция тактики	386
Глава III. Упадок первоначальной германо-романской военной организации	390
Глава IV. Происхождение ленной системы	397

Раздел III. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Часть первая. КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПОТОМКИ

Глава I. Карл Великий	407
Глава II. Покорение саксов	430
Глава III. Империя Каролингов. Норманны и венгры	439

Часть вторая. ЗАВЕРШЕННОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава I. Государственные образования на развалинах империи Каролингов	446
Глава II. Сражение на Лехфельде 10 августа 955 г.	454
Глава III. Сражения при императоре Генрихе IV	460
Глава IV. Покорение англосаксов норманнами	467
Глава V. Норманнский военный строй в Англии	474
Глава VI. Норманнское государство в Италии	483
Глава VII. Византия	484
Глава VIII. Арабы	489
Глава IX. Общий обзор Крестовых походов	494

Часть третья. СЕРЕДИНА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Глава I. Рыцарство как сословие	497
Глава II. Рыцарство с военной точки зрения	510
Глава III. Наемники	518
Глава IV. Стратегия	521
Глава V. Итальянские коммуны и Гогенштауфены	524
Глава VI. Немецкие города	538
Глава VII. Завоевание Пруссии Тевтонским орденом	542
Глава VIII. Английские лучники. Завоевание Уэльса и Шотландии Эдуардом I	545
Глава IX. Отдельные походы, сражения и бои	551

Часть четвертая. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Введение	562
Глава I. Сражение в строю фаланги. Городское и крестьянское (народное) ополчение	563
Глава II. Спешенные рыцари и лучники	572
Глава III. Османы	581
Глава IV. Гуситы	585
Глава V. Кондотьеры, ордонансовые роты и вольные стрелки	592
Глава VI. Сражения при Танненберге и Монлери и некоторые другие бои этого периода	599

Часть пятая. ШВЕЙЦАРЦЫ

Введение	603
Глава I. Сражение у Моргартена 15 ноября 1315 г.	605
Глава II. Сражение при Лаупене 21 июня 1339 г.	608
Глава III. Сражение при Земпахе 9 июля 1386 г.	611
Глава IV. Сражение при Деффингене 23 августа 1388 г.	615
Глава V. Военная организация союзных кантонов	616
Глава VI. Бургундские войны. Причины возникновения	623
Глава VII. Теория военного искусства в средние века	635
Заключение	638

Раздел IV. НОВОЕ ВРЕМЯ

Часть первая. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Глава I. Образование пехоты в Европе	643
Глава II. Огнестрельное оружие. Изобретение пороха и стрельбы	654

Содержание

Глава III. Тактика колонн пикинеров	666
Глава IV. Внутренняя организация наемных войск	668
Глава V. Отдельные сражения	673
Глава VI. Макиавелли	689
Часть вторая. ЭПОХА РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН	
Глава I. Преобразование рыцарства в кавалерию	696
Глава II. Увеличение числа стрелков. Изощрение пехотной тактики	705
Глава III. Мориц Оранский	707
Глава IV. Густав Адольф	712
Глава V. Кромвель	716
Глава VI. Отдельные сражения	720
Часть третья. ЭПОХА ПОСТОЯННЫХ АРМИЙ	
Общие замечания	731
Глава I. Франция	732
Глава II. Бранденбург. Пруссия	738
Глава III. Строевое учение. Изменения, произошедшие в тактике в XVIII столетии	744
Глава IV. Стратегия	753
Глава V. Стратегические очерки и отдельные сражения	761
Глава VI. Фридрих как стратег	781
Часть четвертая. ЭПОХА НАРОДНЫХ АРМИЙ	
Глава I. Революция и нашествие	787
Глава II. Революционные армии	790
Глава III. Стратегия Наполеона	798
Глава IV. Шарнхорст, Гнейзенау, Клаузевиц	811
ПРИМЕЧАНИЯ	815